

Ло Шиань уснул ещё в машине, поэтому ничего не знал о процедурах: ни о заборе крови, ни о капельнице.

Во сне он снова очутился в ту кошмарную ночь.

На этот раз он видел больше: яркий свет фар резал глаза, вызывая боль, и он инстинктивно поднял руку, чтобы прикрыть их. Перед глазами мелькнул красный кузов автомобиля, а затем всё завертелось.

Казалось, он оказался на самом хаотичном рынке, где вокруг раздавались крики. Прислушавшись, он понял, что звали его:

— Шиань!

— Ло Шиань.

— Шиань.

...

— Ло Шиань, проснись.

Ло Шиань резко открыл глаза. Боль, словно от раздробленных внутренностей, ещё не утихла. Перед ним кто-то наклонился, обнял его и прижал к себе.

От этого человека исходил лёгкий аромат цитрона, а его тепло окутывало Ло Шианя.

Он замер, чёлка прилипла ко лбу от пота. На мгновение ему показалось, что реальность и сон переплелись. В испуге он несколько секунд смотрел на Гу Синье, а затем, придя в себя, оттолкнул его грудь, перевернулся и натянул одеяло на голову, полностью скрывшись под ним.

— ...Ты видел кошмар? — Гу Синье сделал вид, что не заметил его сопротивления, и слегка толкнул его за плечо. — Ты так испугался, что лицо побелело.

Ло Шиань молчал.

Гу Синье, чувствуя себя неловко, немного помолчал, затем снова заговорил:

— Ты не знаешь, почему я злюсь? Тебе нечего мне объяснить?

Ло Шиань по-прежнему молчал.

Прошло уже несколько часов с прошлой ночи, и гнев Гу Синье поутих, особенно когда он увидел бледное лицо Ло Шианя.

Он положил руку на место, где под одеялом угадывалась талия Ло Шианя.

Лёгкое сжатие напомнило ему о её изящном изгибе. Он медленно произнёс:

— Ты мог бы прийти ко мне днём и объясниться. Зачем ждать до вечера?

— Если бы я пришёл днём, как бы ты смог выпустить пар? — наконец заговорил Ло Шиань, его голос был глухим. — В дневной комнате отдыха не было алкоголя, чтобы ты мог меня напоить.

Гу Синье убрал руку, только что достал сигарету из кармана, но вспомнил, где находится.

Он безвкусно щёлкнул языком:

— Когда ты стал таким упрямым? Если бы ты немного смягчился, разве я позволил бы тебе выпить три рюмки подряд?

Ло Шиань ответил:

— Сейчас говоришь красиво, но тогда именно ты потребовал, чтобы я поднял тост.

Гу Синье нахмурился:

— Я сказал, чтобы ты поднял тост, но не говорил, что нужно выпить три рюмки подряд. И зачем ты поднимал тост за меня?

Ло Шиань ещё плотнее укутался в одеяло:

— Кто осмелится не уважать лицо молодого господина Гу?

Гу Синье был взбешён, но не мог выплеснуть свой гнев.

Он просто хотел сохранить достоинство перед другими, или точнее — перед Ци Янем.

— Тогда скажи мне, как ты сошёлся с Ци Янем?

— Сошёлся? — Ло Шиань наконец выглянул из-под одеяла. — Скажи, пожалуйста, ты никогда не сидел в машине с кем-то? Не улыбался никому, кроме меня?

— Я... — Гу Синье моргнул. — Это другое, я обсуждал работу.

Ло Шиань сказал:

— Так ты думаешь, что я обсуждал романтику?

Слова, которые застряли у Гу Синье в горле, были произнесены Ло Шианем. Гу Синье стиснул зубы:

— О чём вы могли говорить? Ты и незнакомый инвестор? И вы держались за руки?

— Если ты называешь рукопожатие объятием, то мне нечего сказать. — Ло Шиань снова натянул одеяло на голову.

Прежде чем Гу Синье успел что-то сказать, он, зарывшись в одеяло, глухо произнёс:

— Я вспомнил, почему мы поссорились в день аварии.

В тот же миг Гу Синье словно ударило молнией:

— Ты... Что ты сказал?

Ло Шиань заговорил:

— Ты тогда тоже так со мной поступал, да?

Ток быстро исчез, и Гу Синье незаметно вздохнул с облегчением. Он наклонился и обнял одеяло вместе с человеком внутри. Его голос был мягким, как июньский ветер:

— Как я мог.

Только после резких взлётов и падений можно понять, что действительно важно. Когда проявилась истинная суть, Гу Синье осознал, что всё, что он сделал прошлой ночью, было преувеличением.

Возможно, это было просто дружеское приветствие при второй встрече, рукопожатие — базовая вежливость.

Эх, наверное, тогда на него что-то нашло.

Он идеально отбросил свои эмоции и поцеловал мочку уха Ло Шианя сзади:

— Я был неправ, я повёл себя по-детски. Не обращай на меня внимания, хорошо?

Гу Синье сказал:

— Ты не знаешь, но вчера я пил виски, а перед тобой поставил бренди.

Ло Шиань открыл закрытые глаза.

Виски — острый, с насыщенным вкусом, а бренди — сладкий, с фруктовыми нотами.

Первый он действительно не смог бы выпить три рюмки подряд. Если бы его заставили, сейчас он бы лежал на операционном столе.

Гу Синье сказал:

— Я знаю, что ты плохо переносишь алкоголь. Даже в гневе я помнил, что нужно заменить его на что-то сладкое. Кто бы мог подумать, что ты окажешься упрямее меня.

— Ладно, — он мягко успокаивал его. — Давай не будем ссориться, хорошо? Я просто ревновал. Я забочусь о тебе, поэтому ревновал.

Его рука, словно стальная, обхватила его талию. Горячее дыхание касалось уха, заставляя Ло Шианя вспомнить те времена, когда они страстно обнимались и шептались.

Неожиданно он спросил:

— Ты действительно заботишься обо мне?

— Конечно. Если бы я не заботился, разве я бы приехал в это глухое место? Я просто беспокоился, что ты не привыкнешь к местному климату. — Гу Синье погладил его висок и крепко поцеловал. — Дома я тебя откормил, зачем тебе терпеть такие неудобства здесь? Слушайся: как только закончишь съёмки этих шести эпизодов, оставайся дома со мной, хорошо?

Оказывается, он заботился не о нём.

А о том, что он не будет с ним.

Ло Шиань закрыл глаза. В том месте, где Гу Синье не мог видеть, уголки его губ дрогнули в горькой улыбке.

Поскольку авария произошла недавно, врачи рекомендовали остаться в больнице на несколько дней для наблюдения, но Ло Шиань без колебаний отказался.

Когда он вернулся на съёмочную площадку, режиссёры уже придумали объяснение его отсутствия на двух приёмах пищи.

Во время разговоров они сказали, что Ло Шиань отравился соевым молоком прошлой ночью и с утра пошёл в больницу за лекарствами.

Гу Синье не вернулся с ним. Он уехал из больницы в Линши, где его ждало много дел.

Ци Янь, однако, остался. Во время перерыва Ло Шиань видел, как он сидел с Хань И.

Их отношения были известны всем, и они не стеснялись проявлять близость на публике, играя в одну игровую приставку.

Ло Шиань сидел в машине с закрытыми глазами, когда Сяо Ян открыла термос:

— Брат Ло, я приготовила для тебя кашу. Пока не начались съёмки, съешь немного — полезно для желудка.

Авторское примечание:

Благодарю.

В ту ночь бушевали ветер и дождь.

Гу Синье, выбежав из ночного клуба, уже чувствовал себя униженным.

Он приказал Сунь Чжао силой усадить Ло Шианя в машину. Машина мчалась с огромной скоростью, дождь стекал по подбородку Ло Шианя и капал на брюки, исчезая без следа.

Гу Синье раздражённо снял галстук:

— Это была просто шутка, ты серьёзно? Столько людей вокруг, все не дураки. Ты убежал — и все теперь знают, какие у нас отношения!

— Ты с ума сошёл, Ло Шиань? Если ты что-то не так понял, ты мог бы сказать мне наедине — я бы объяснил. Зачем устраивать сцену перед моими друзьями? Ты совсем не оставил мне лица.

Ло Шиань поднял взгляд. Его глаза были влажны от дождя за окном, а голос прозвучал холодно, как дождь:

— Я даже не знал, что твоё лицо зависит от меня.

— Хватит уже! — Гу Синье в ярости ударил кулаком по стеклу, и часы на его запястье разлетелись на части. — Ты ведёшь себя так, словно тебе нечего терять перед всеми! Сколько бы у меня ни было лица — ты всё испортил!

С этими словами он снял часы и бросил их на пол. Дорогие часы, которые никогда не могли представить, что их ждёт такая участь.

Ло Шиань рассмеялся:

— Ты топчешь меня ради своего лица — и ещё смеешь говорить это вслух?

Гу Синъе сказал:

— Я же сказал — это была шутка. Я сказал, ты услышал — и всё. Если бы ты не услышал — всё бы прошло как обычно.

— Да, всё прошло как обычно. — Уголки глаз Ло Шианя покраснели. — Я был глух пять лет.

Гу Синъе почувствовал тяжесть в груди. Комок застрял в горле, и он пнул спинку сиденья водителя:

— Езжай быстрее!

Сунь Чжао увеличил скорость, не смея и вздохнуть.

Так же, как и сейчас, Гу Синъе словно ударило током, лишив его на мгновение способности двигаться. Он пристально смотрел на очертание, укутанное одеялом, и не заметил, как его кулак сжался до побеления костяшек:

— Что ты сказал? Ты вспомнил?

Ло Шиань заговорил:

— Ты тогда тоже так со мной поступал, да?

Ток быстро исчез. Гу Синъе незаметно вздохнул с облегчением, наклонился и обнял одеяло вместе с человеком внутри. Его голос был мягким, как июньский ветер:

— Как я мог.

<http://bllate.org/book/16360/1479414>